

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА

ХУДОЖНИК И ЕГО ГОРОД

В нашем городе живет и работает художник

Михаил Яковлевич Солдатенков.

ЕГО ГОРОД. ПЕРВЫЙ ШТРИХ

Наш город стал его городом не сразу: вырастающий мастер был и жил в разных географических местах.

Я спросила однажды:

- Как вы в нашем городе оказались?

Он ответил:

- Мечта была такая... Виноват во всем Андерсен: в его сказках дома с черепичными крышами и чердаками, как здесь...

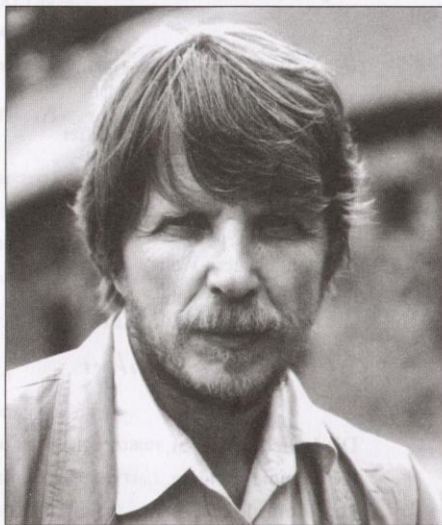
ПРЕДЫСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Самая первая его географическая точка - где на свет появился - Новочеркасск в Ростовской области. Да там совсем короткое время был: отец-военный демобилизовался и уехал на Смоленщину, так что младенца зарегистрировали уже на родине деда, в деревне Просковино, где Миша Солдатенков два раза всего побывал - пока дед был жив, - но навечно запомнил места те очень красивые.

Потом географическая линия судьбы через Житомир на Буковину пролегла, и «много детства» прошло в Залещиках, на берегу Днестра: «Река - граница. Через реку - другая страна, Румыния... Жили очень скромно. Всем приходилось подрабатывать. Хотелось увидеть большой город».

И детство продолжилось в большом городе Смоленске, куда он приехал в гости (это был 1961 год) - да и остался...

Много здесь было связано с войной. Он вспоминал: «Мальчишки бегали - собирали снаряды, мины. ...Неизвестно, куда бы могло занести, в какие дебри, вспомнишь - вздрогнешь: город большой, промышленный, новые микрорайоны, стройки, компании «удальцов», пре-

Художник Михаил СОЛДАТЕНКОВ

Фото Андрея БУДНИКА

ступность... Может быть, рисование держало меня - я как-то не метался».

Тогда в Смоленске появилось немало молодых художников - выпускников художественных вузов: приезжают москвичи, возвращаются смоляне из других городов. В самом Смоленске открывается худграф - и через пять лет первый выпуск показывает очень интересные дипломные работы. Потом те выпускники и образовали ядро «художественного фонда» Смоленска.

А при Дворце пионеров работала художественная студия. В ней он занимался около двух лет. Стал ему другом его преподаватель - Валерий Владимирович Алешковский, выпускник Минского художественного училища. Студия была начальным «университетом» - и не только в смысле профессиональном, но и в житейском, человеческом. Он говорил потом: «Как ко мне относились -

так я стараюсь относиться к другим».

После десятого класса пошел работать на стройку («тоже было интересно»), а затем отправился в Ярославль, куда во время войны переехала большая группа преподавателей Ленинградской Академии художеств, и поступил в художественное училище. Так что значительная часть его «университетов» пришлось на эту пору (1964-1969 годы).

Он рассказывал: «В Ярославле учиться было очень тяжело: требования высокие. Занятия с половины девятого до семи вечера. Вернее, до пяти - занятия по расписанию, после пяти - вторая школа: учились друг у друга. Многое зависит от преподавателей, от их личности, и многое - от сокурсников, от друзей, от среды. Интересно, что когда мы выставляли свои работы, смотрели на работы других, то «завидовали» друг другу и - росли...

Делал ли я что-то помимо программы? Делал все время - рисовал «для себя», дарил друзьям, однокурсникам. Где-то у кого-то те работы еще висят, еще целы. ...Однажды приехал в гости, увидел: «Кто такой?» - «Это твоя работа». Приятно было. В принципе, такой обмен был со всеми...

Ездили в Москву, ездили на выставки. Жили здоровой, полной студенческой жизнью. Много других интересных городов видел: Кострому, Углич, Котлас...

Закончил училище - решил дальше учиться, в Мухинское поступать поехал. Почему именно в Мухинское? Мне нравился Питер - там свободнее от консерватизма было. Но в Мухинское поступать мне не пришлось: приехал без направления - не знал, что без него с этого года нельзя. Вернулся в Ярославль за направлением - оказалось, поздно уже. Нужно было отрабатывать диплом. Уехал подальше.

«Подальше» был Ковдор, что в Мурманской области, на границе с Финляндией. Начал работать там учителем черчения и рисования. Жить негде было, вернулся в Ярославль. И здесь жилья нет, да еще и денег. Увидел «дно»,

отведал «богемной жизни». Потом продолжил «отработку диплома» уже в Мурманске, пока не прислали повестку в армию.

Мечтал служить на юге, там, где тепло, - служил там, где холодно, в Кандалакше. Телефонистом-телеграфистом.

Возвращаясь из армии, заехал в Питер, «посмотрел, погулял» и отправился, наконец, туда, где тепло, в Ташкент. Мечтал быть не гостем - жить: «...тут 12 месяцев - лето! Город большой, древний, необычный, «пестрый»: узбеки, греки, евреи, «бледнолицые»...»

И вот сокурсник, Коля Бабин, прислал письмо: «Приезжай в Черняховск». Приехал - и стал в нем жить: «Андерсен виноват...»

ОН В ЕГО ГОРОДЕ.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

- И как ваша судьба стала в нашем городе складываться?

- Стал работать в художественной школе (директором тогда был Федор Васильевич Рыжов).

Через год познакомился с Нелли Федоровной - и получилась свадьба. Родились дети: сын, потом дочь.

Жили сначала в коммуналке: 4 семьи - 14 человек. И не ссорились - уживались как-то.

...Детей в «художке» учил - а вот сам, «для себя», за кисть редко брался.

- Почему?

- Долго был кризис: 10-15 лет - какая-то «тянучка».

Делал что-то иногда - от выставки к выставке. А жил, в сущности, в ощущении потери самого себя. Казалось, то, что делал, - никому не нужно, а делать только для себя - этого тогда было мало. И еще было такое: «А, сделаю потом, завтра». А «завтра» тянулось годами. Я вдруг понял: нужен какой-то толчок.

И вот однажды был разговор с Витей Максимовым, художником. (Он сам себя воспитал и подготовил, поступил в Ленинградское училище имени В.Серова, много работал. Теперь его уже нет - погиб.) Вита видел какие-то мои «картинки» и спросил:

- Миш, почему ты не работаешь? Для чего ты учишься? Ты же - художник!

Он показывал мне свои работы - у меня даже зависть появилась какая-то: чувствовались в них и желание, и детскость... Начал я что-то делать - захотелось делать. Плохо или хорошо получалось - не мне судить. Мне стало интересно делать. Да и стыдно было перед детьми: как можно требовать от них, если сам не работаешь? И потом - люди задают вопросы:

- Кто ты?

- Художник.

- А что ты делаешь?

А ты ничего не делаешь. Но ведь с детства мечтал, с детства мечтал рисовать! Было чувство стыда за то, что время проходит, а ты как-то не можешь состояться. Раз что-то дано, - значит, реализоваться надо.

Решил показать свои работы - одному, другому, третьему. Кому-то не нравилось, кто-то просил подарить...

Где-то в перестройку - в году 91 или 92 - вместе с Сергеем Тренем сделали выставку. Стали работы покупать.

- Пришел «коммерческий» успех?

- Нет. Просто понял, что кто-то увидел во мне «своего» художника.

- Вы работаете на заказ?

- Нет.

- И не пытались?

- Пытался. Два раза. Первый раз - рисовал с фотографии жену некоего человека. А тот сказал: «Моя не такая - моя уродливее». И не заплатил. Второй заказ я уже сам не смог до конца довести.

В принципе, я не против работы на заказ: это было, есть и будет. Просто у меня это не получается.

ОН И ЕГО КАРТИНЫ

- Как рождается работа?

- По-разному. Это зависит от настроения, от состояния души. Вдруг что-то увидел. Или услышал - мелодию, песню... Например, на концерте... Или картинку посмотрел...

Кто его знает? Если бы знать, отчего оно может рождаться, - наверное, было бы неинтересно.

...Считал: нужно потеть, нужно, чтобы влох дыбом вставал, - тогда работа получится стоящая. А тут бывает, работа выходит как-то легко, как бы сама собой делается. И думаешь: «Может, так оно и должно быть?»

Мне нравится сам процесс - порой и не знаешь, что у тебя будет. Вынашиваешь, мечтаешь, но какой будет работа конкретно - не знаешь. А потом сам процесс еще движет - замысел может меняться.

Я видела, как он работает. Склоняется над листом, то едва касается кистью, то «красит», краску может «разлить», «плеснуть», брызнуть ею там и там... И в некий миг что-то начинает проявляться - узнаваемое и в то же время преображенное, уже «переплавленное» в нем самом. Я все допытывалась, как это у него получается. Он: «Не знаю...» - и дальше работает, как будто что его ведет. Возникают образы не «внешне» заданные или сконструированные произволом рассудка - а будто «природно» задуманные. Это идет изнутри.

А еще раньше, на одной из выставок, на мою дотошность он отвечал: «Не дело художника - объяснять, что он хотел «показать». Его дело - писать так, как он чувствует».

...Как здорово! Какое это чудо: кусок холста, лист бумаги - или даже ее клочок! - вдруг могут превратиться в факт искусства, приобрести иную ценность, которую время, возможно, потом умножит.

- Вы можете назвать свои любимые работы?

- ...Не знаю. Самые дорогие - те, в которых есть состояние, образ, настроение.

- Какую технику вы предпочитаете?

- Человеку любому увидеть хочется поскорее свой труд. И я выбираю технику «сиюминутную» - акварель, гуашь, мелки...

- Всегда ли вы даете своим работам названия?

- Нет. Порой называю работу так: «Женс-

кий портрет». А что в ней увидят - ?..

Однажды было: фантазировал с лицом женщины, а потом, через несколько лет, увидел ту, которую, оказалось, нарисовал, - образ совпал с реальным человеком.

Названия дают нередко другие. На выставке в Калининграде не оставил названий работ - так назвали их лучше, чем я.

ЕГО КАРТИНЫ И ЛЮДИ

- Где вы выставляетесь? И часто ли?

- Время от времени - в художественной школе. В позапрошлом году и в прошлом были персональные выставки в Калининграде, потом в Советске. Этим летом, вместе с Ольгой Кошелевой и Ирой Демидовой, выставлялся в Германии - в Кирххаймболандене.

В общем, это происходит не часто. Если выставки делаешь - важно, чтобы они не повторялись.

Я помню его выставку в «художске», в августе 1996 года. Мы были знакомы уже несколько лет, чуть не ежедневно виделись в книжном магазине, и нередко покупали те же книги, и порой говорили. Но о том, какой он художник, - я не знала.

И вот - вошла в зал с его работами - и показалось, что в зале, совсем небольшом, стало много пространства, и глаза открылись шире, и плечам стало легко, а душа обрадовалась, да и самой меня стало больше (это было похоже на «состояние ключа», состояние вдохновения). И я увидела, какой он разный. И - настоящий.

- Ждете ли вы отклика, когда ваши работы выставляются?

- Отклика не ожидаю, хотя хочется этого отклика. Смотришь, кто придет. Радуетесь, когда люди приходят. Хуже, если вообще не приходят, - обидно.

... Это просто интересно, когда разная есть реакция, когда она есть. Например, в Калининграде один зритель подошел, познакомился - и стал Блока читать.

- Были ли отклики в прессе?

- С особой тщательностью я за этим не слежу, но вот как-то в «Калининградской правде», в «Янтарном караване» заметки о выставке печатали, в газетах Советска, в наших... И интервью давал однажды Калининградскому радио.

- Какой характер носили эти публикации? И не было ли в них «формул», определяющих какие-то особенности вашего творчества?

- Характер? Информационный. Потом - эмоциональные отклики. А из «формул» запомнилась эта: «сенсорный Солдатенков».

- Если говорить о продаже, то с любой ли из ваших работ вы готовы расстаться?

- Продажа для меня - не самоцель. Есть работы, которые должны оставаться со мной: они связаны с чем-то очень важным для меня, с дорогими и близкими мне людьми. Их просто нельзя продать - это память.

- Иные из ваших работ уже «кушли». Где они теперь «живут»?

- В домах моих старых друзей, знакомых. В некоторых частных собраниях, в Эстонии, например, Германии, Польше. Есть работы на Украине, в Латвии, Литве, отдельные попали в Швецию, Англию, Израиль, Америку.

- Такая широкая география?

- Какие-то работы брали с выставок, когда в городе проходил кубок «Вольво», какие-то дарил на память...

На той, девяносто шестого года, выставке был женский портрет. Он повлек к себе сразу. Сдержанный цвет, лаконизм, точность линий, - и при этом - высокая мера выразительности. Женский образ - с его неповторимой индивидуальной конкретностью - являл собой в то же время обобщенный образ состояния - удивляющего сочетания безмятежности, интереса и понимания, обаяния, нежности, странной тревоги, своенравной силы. Портрет купили, фотографии не осталось, - и только те впечатления в памяти: сначала самое первое, которое - «ух!» - от того, что вот так, оказывается, можно (сколько женскую натуру с ее очарованием писали - а вот мож-

но еще и так - да еще как!); и потом - глубокие следы от долгого разглядывания, взглядывания - чтобы хранить в себе длительно.

...Кто-то его портретными работами интересуется, кто-то пейзажи любит, кто-то - букеты, а кто-то - храмы. И тут тоже - и конкретное, и обобщенное, и - состояние, энергетика которого сразу передается.

Его живопись - это живопись состояний. Состояние принимает душа и пребывает с ним, чтобы вчувствоваться, запомнить его «вкус». Новая работа - новое состояние.

Пространство его картин - пространство «глубокое», объемное, «расширяющееся». Это растущий смысловой объем. Чем дальше смотришь - тем больше видишь, вспоминаешь, чувствуешь.

Сначала ты видишь много «частностей» - деталей, линий, цветовых пятен. Но вдруг глаз начинает структурировать пространство - «разводить» детали, «распределять» их на «фигуру» и «фон» - и ты воспринимаешь образ, причем видишь его по-своему, видишь в картине свое, твоим жизненным опытом оперделенное. Формообразование, начатое и как бы уже завершенное художником с окончанием работы над картиной, продолжается теперь в сознании зрителя, «общающегося» с картиной.

Много чувств вызвали его работы на весенней выставке в художественной школе. Это был своеобразный цикл картин, насыщенных интересом к эпохе Возрождения и претворенными ее мотивами.

В разные эпохи своей жизни Солдатенков - «разный», и даже на одном временном отрезке биографии в нем некие «разности» сосуществуют. И все же творчеству его присуща цельность. Это единство, главная составляющая которого - отношение художника к человеку, предмету и миру в целом. Отношение принятия, интереса, любви. Отношение, которое можно выразить в словах: «Пусть будет! Имеет право быть!» Он - человек принимающий. И я училась

у него этому принятию. И не только я.

- Над чем вы сейчас работаете?

- Для меня сейчас работа - это поиски новых образов, материалов, технических возможностей. Чтобы не повторяться.

ЕГО ФИЛОСОФИЯ

- Что вы думаете о себе как о художнике, о своем месте?

- Есть сознание, что какую-то маленькую нишу я где-то занимаю - в районе Калининградской области. Не претендую на другое - я не могу повезти куда-то выставку из-за материальных возможностей. По заказу не могу писать - не получается, не умею. Могу писать только по своему внутреннему взгляду и чувству, это «писание» чисто индивидуальное, асоциативное.

- Вы не амбициозны? Амбиции художнику вредят?

- Амбиции? Нормальное явление. Но на данном этапе я еще многого не сделал. Не хочу сваливать на какие-нибудь причины, как художник я еще не состоялся - сам для себя.

- Категорично... А кто для вас художник?

- Хороший человек. Думающий человек. Со всеми слабостями, со всеми причудами. Насколько я знаю, - я встречался со многими художниками, - главное качество - бессребреник. Когда приоритет денег превалирует над искусством - тогда творчество отходит на задний план, тогда это конъюнктура... Пусть имеет деньги - он может помогать другим.

...В этом году ездил на этюды. Одна тетушка сказала: «Вы художники? Я вас очень люблю. Я сейчас коровку подою - идемте, я вас молочком напою...» Удивился. Приятно стало, тепло.

- Что главное для вас в работе?

- Главное в работе - не имитация. За работой должна стоять проблема, которая волнует.

- Что для вас - главный двигатель в жизни?

- Наверное, двигатель всего - это есть любовь, это есть красота... Венец всего - любовь. Красота все же - это относительное... Красота всегда была - просто с возрастом ты ее больше

ощущаешь. Состояние души создает какую-то красоту внутреннюю. Красота - это не то, что цветная картинка. Лицо может быть изуродовано - но оно может быть красиво, если одухотворены глаза. Человек озаряется изнутри.

ОН И КНИГИ

Он любит книги, он собирает их давно. И это не особый «спорт» - живая потребность. В книжном-то магазине я и обратила на него внимание - на то, как их смотрел, какие брал. Так не покупают «для мебели».

Заблудишь к нему «на минутку» - «полистать» - находишь нечто для питания души. Да не случайное что-то, а то, что, оказывается, в этот момент и надобно: есть где искать. Те книги дают почувствовать огромное пространство, близость большого мира и дальних эпох. Немало книг его «гуляет по городу», «поострая» ум жаждущих.

- Кто из писателей вам ближе? Чьи книги «греют»?

- Ильф и Петров: «Золотой теленок» - настольная книга.

Платонов: для меня он еще неразгаданная загадка. Мне нравится его язык. Это - художник.

Шолохов: «Тихий Дон», «Донские рассказы» - книги глубокой трагедии.

Василь Быков: главное для него - вопрос чести, вопрос боли, больное сердце, больная душа.

Владимир Богомолов: рассказы из книги «Сердца моего боль» - в них чистота, ясность, прозрачность, нежность, мужество.

- Кто из поэтов, писателей особенно повлиял на вас в пору вашего становления?

- Окуджава, Галич, Чехов... Достоевский: прочел у него почти все, но почему-то именно «Нечочка Незванова» как-то по-особому отложилась. И, конечно, «Идиот» - после него сам стал немножко «таким».

- А кто нравится больше по языку?

- Гоголь. Когда читаешь про пыль на хохляцкой дороге - словно идешь по этой пыли,

она как вата. Язык настолько емкий, пластичный - ощущаешь и пыль, и зной, и говор... Это сейчас не востребовано. Жалко.

Очень люблю «Ночь перед Рождеством», читаю с удовольствием.

...Откроешь что-нибудь Гоголя - душа открывается.

Гоголь - гений.

- Кого вы читали в последнее время?

- Пьецуха, Мамлеева, Пелевина, Богущевскую, Нарбикова, Петрушевскую.

...Хорошо, что есть их много. Когда их вообще нет - несчастье.

- Кто из зарубежных писателей для вас более значим?

- Шекспир. (Кстати, делал когда-то иллюстрации к «Гамлету» - это была курсовая.) Я люблю Шекспира. Шекспир - это какая-то несоткыванность между реальностью и мечтой, желаемым и действительностью. И в этом трагедия.

...Многое хочется почитать - Кундеру, Павича (имена их сейчас на слуху), Белля, Ремарка, Гюнтера Грасса...

- А из живописи что теплее душа приемлет?

- Люблю XIX век, начало XX века. Левитан для меня - первое имя, а затем - Айвазовский (еще в детстве выбрал: хотел увидеть море), Врубель, Серов, Коровин, Саврасов, Ге, Филонов. Из скульпторов - Матвеев, ранний Коенков - мой земляк.

Моя любовь - китайцы и японцы: графика, поэзия...

...Он говорит, а я вслушиваюсь и вникаю в то, как он говорит, - неторопливо, даже медленно, время от времени останавливаясь: вспоминает необходимое что-то, подыскивает самое нужное слово. И получается фраза емкая и компактная: все в ней на месте, все «в точку». И - ни убавить, ни прибавить, ни подвинуть: сама пробовала. И как штрихи и мазки на его работе ложатся там, где им, выясняется, самое место, - так и слова его «вплетаются» плотно в ткань его речи. Я вслушива-

**Мастерская художника
Фото из архива М.Я. Солдатенкова**

юсь и учусь...

- Что привлекает вас в искусстве китайцев и японцев?

- Сама эстетика мне близка: это немногословие, это лаконизм. Это своя философия. Кажется, что все, что ими сделано, - сделано так легко, без надрыва ремесленного, как будто божество опустилось... И мир такой - мир порядочный, красивый. Это связано с философией самопознания - сам себя всю жизнь познаешь: то есть для меня все ясно - и ничего не ясно, я живу - я не живу, - утверждение через отрицание. Между рождением и смертью - начало и завершение. И рождение, и смерть - мучительны. Рож-

дается ребенок - он открывает новый мир. Умирает человек - надеется, что попадет в новый мир. В этом, наверное, интерес и загадка...

А в основе всего - принцип красоты: все, что бы ими ни было сделано, - красиво. Это не дань моде - это большое искусство, настоящее, без натяжек.

Мир искусства - это много миров. Я многое люблю. Есть прекрасная поэзия - русская и зарубежная. Она небезразлична мне. Искусство связано, прежде всего, с эмоциями, чувством. Но даже такой поэт, как Поль Валери - прагматичный, рациональный, - красив в своей поэзии: это поэзия умная, «точечная». В одно время обращаюсь к произведениям эмоциональным, в другое - к таким, над которыми больше работает разум.

- Что работает больше - душа или разум - у зрителя, который общается с вашей картиной?

- Не знаю. Главное - чтобы что-то работало.

ЕГО МАСТЕРСКАЯ

В маленькой мастерской - конечно, работы, конечно же, книги. Очень много букетов - уже сухих, но непонятно сохранивших красоту. Воздух загадок, волшебства, предчувствия счастья возможных открытий.

ЕГО ГОРОД. ПАНОРАМА-ПОРТРЕТ

Он не раз писал свой город.

Он изображал его на холсте маслом. Диагонали улиц и переулков вечеряющего или ночного города. Надвигающаяся или уже наступившая темнота, темные ромбы окон. И вот - свет в окошке: горит он тепло, оранжево в глубине улочки, будит надеждой.

Есть монотипии - мозаика крыш, стен, окон, простенков.

И графика - обобщенный «портрет» его города, узнаваемый и опять преображенный, - новый синтез мотивов и образов.